

Глава 27. Двойник и подделка

Первым, что ощутила Кусина, вернув себе память, была всепоглощающая боль.

Тело будто разваливалось на части: каждая кость и мышца отзывались острой ломотой, а кожу до сих пор жгло, словно от тяжелого ожога. Обычный бой едва ли вымотал бы её до такой степени — сказывались отвратные последствия трансформации в Хвостатого.

«Проклятый лис...»

Кусина попыталась было приподнять руку, но тело тут же скрутила судорога, и из горла вырвался невольный стон.

«И так ты выражаешь благодарность своему спасителю?» — раздался в её сознании недовольный рык Демонического Девятихвостого Лиса. Красноволосая дзинтюрики наяву представила, как эта огромная туша, развалившись на полу глубоко внутри печати, высокомерно поводит ушами. — «Чем попусту бубнить, шла бы лучше делать то, что должна!»

— Сестра Кусина, ты очнулась?

Слабый стон разбудил Рин, дремавшую у края кровати. Лицо девушки-ирьёнина осунулось от усталости, но она мгновенно подтянулась и склонилась над больной, проверяя её состояние. Кусина с трудом разомкнула веки. Размытый силуэт Рин постепенно обрел четкие контуры, и Кусина выдавила из себя измученную улыбку:

— Всё в порядке, ничего страшного. Долго я пробыла без сознания? Как остальные? Иноити и старший Сакумо... их состояние хотя бы стабилизировалось?

— Ты спала всего несколько часов, сейчас ночь, — Рин на миг омрачилась, но тут же попыталась ободряюще улыбнуться. — Господин Иноити и господин Сакумо всё еще в критическом состоянии, сейчас за ними вместе с прибывшими на помощь медиками Тумана ухаживает госпожа Цунаде. Но раз за дело взялась она, всё обязательно будет хорошо!

— Да, — кивнула Кусина. — А Обито? С ним всё в порядке?

Рин открыла рот, собираясь ответить, но тихий стук в дверь перебил её. На пороге стоял именно тот, о ком они говорили.

— Рин? Как там Кусина?

— Я уже очнулась! — подала голос Кусина. Она уперлась локтями в матрас, пытаясь сесть, и Рин тут же поспешила подложить ей под спину подушку. — Входи!

Дверь тихо скрипнула. Из-за нее показалась взъерошенная голова, а затем в комнату, опираясь на кустарный костыль, хромая, вошел Обито. Чтобы не шуметь, нижний конец его костыля был обмотан плотной тканью. Парень въедливо оглядел Кусину и облегченно вздохнул:

— Какое счастье, что ты в норме. Э-э... — он замялся и почесал затылок. — Если тебе не трудно, мы могли бы поговорить?

«Я и сама собиралась с тобой поговорить», — подумала Кусина и кивнула:

— Разумеется.

— Тогда... Рин, — Обито перевел взгляд на девушку, и в его голосе проскользнули неловкие интонации. — Ты ведь тоже валишься с ног от усталости, не хочешь пойти отдохнуть? Я посижу с ней.

Рин изумленно выгнула бровь, а на её обычно мягком лице проступило редкое недовольство. На мгновение показалось, что она намерена воспротивиться, но в итоге ирёнин молча поднялась и вышла.

Дверь за ней тяжело захлопнулась. Обито поджал губы. В его глазах на мгновение вспыхнул алый отблеск — Кусина ощутила, как комнату накрыл купол барьерного гендзюцу. Убедившись, что их разговор никто не подслушает, парень доковылял до кровати и опустился на стул, где только что сидела Рин. Сложив руки на коленях и опустив голову, он выглядел точь-и-точь как нашкодивший ребенок, ожидающий сурового наказания.

Видя его мучительные метания, Кусина решила взять инициативу в свои руки:

— Я уже знаю, кто скрывается под маской Тоби. Мне рассказал Курама.

Обито резко вскинул голову. На его лице проскользнуло слабое облегчение — видимо, оттого, что не пришлось самому произносить эту постыдную истину, — однако следом накатила ещё более тяжелая волна вины и отчаяния. Он снова уткнулся взглядом в пол, судорожно перебирая и сжимая пальцы.

— Я даже не знаю, что сказать... Это просто... какая-то злая насмешка... — пробормотал он надломленным голосом. — Он погрузил весь мир ниндзя в хаос, совершил столько чудовищных преступлений, убил Какаси, покушался на тебя и Сисуи, а теперь из-за него старший Сакумо и господин Иноити находятся на грани жизни и смерти... А я ещё с таким пафосом заявлял, что уничтожу его! И в итоге оказывается, что всё это... Наделал он, а мне... Я теперь даже не представляю, как смотреть людям в глаза...

— Перестань, Обито, — Кусина подалась вперед, пересиливая острую боль, и крепко сжала его дрожащую ладонь. — Он — это он, а ты — это ты. Вы два абсолютно разных человека. Все те

ужасы совершил Тоби, с какой стати тебе брать на себя его вину?

— Но ведь...

— Никаких «но». Ответь мне сначала на один вопрос. Ты считаешь Рокэя и Какаси одним и тем же человеком?

Не ожидая столь резкой смены темы, Обито озадаченно воззрился на неё и неуверенно произнес:

— И да... и нет.

— Хорошо, сформулирую иначе. Смог бы ты полюбить Рокэя так же, как любишь Какаси?

— Конечно же нет! — без колебаний выпалил Обито. Но едва слова слетели с его губ, как он осекся, и его глаза широко раскрылись.

— Вот видишь, ты и сам всё прекрасно понимаешь, — Кусина разжала пальцы и с наслаждением откинулась назад на подушки. — Ты ведь не переносишь чувства, которые испытываешь к Какаси, на Рокэя только потому, что они — одна и та же личность из разных миров? Так почему ты решил, будто мы перенесем всю ненависть к Тоби на тебя? Если бы за маской Тоби скрывался не ты из другого измерения, а я, Минато или учитель Дзирая... неужели ты стал бы относиться к нам с презрением и злобой из-за грехов нашей альтернативной версии?

Слушая её, Обито постепенно расслаблялся, однако вскоре его взгляд снова померк:

— Но далеко не все способны рассуждать так же здраво. Стоит этой вести просочиться наружу, как другие Великие Деревни получат неопровержимый поводёр для нападков на Коноху. И если учитель Минато станет защищать меня... его просто затянет в этот политический омут.

Кусина не удержалась от смешка:

— А ты действительно метишь в Хокаге, раз думаешь на столькие шаги вперед! Но пока на этом посту восседает твой наставник, предоставь эти головные боли ему. Не пекись о Минато. Если он не способен защитить собственного ученика, какой из него, к черту, Хокаге? Спроси его сам — он ответит тебе ровно то же самое.

Она сделала паузу и твердо добавила:

— Верь нам. И, что самое главное, верь в самого себя. Гордый ниндзя из клана Утиха, Утиха Обито, не имеет права расклеиваться и опускать руки из-за подобной ерунды! Твои поступки и

твоя решимость станут лучшим ответом любым сомневающимся.

Обито неотрывно смотрел на Кусину. По мере того как звучал чеканный, полный нерушимой уверенности голос красноволосой кunoити, в его глазах вновь зажигался знакомый огонь. Былой апломб еще не вернулся к нему в полной мере, но парализующий страх и растерянность отступили. Парень тяжело, но уверенно кивнул:

— Я понял. Спасибо тебе, Кусина.

— То-то же, — удовлетворенно улыбнулась она. — Кто ещё знает об этом?

— Господин Иноити всё ещё без сознания, и я не ведаю, сколько именно воспоминаний Тоби он успел считать. Так что, кроме нас двоих... знает только Рокэй.

— Вот и отлично. Тебе стоит поговорить и с ним. Его связь с тобой и Тоби куда глубже, чем у меня, так что ему будет проще... — Кусина осеклась, заметив, как странно изменилось лицо Обито. — Что такое?

— Рокэя... Учитель Дзирая временно запечатал его.

— Запечатал? Зачем?

— Потому что Иноити успел выудить из памяти Тоби кое-что ещё... В том мире Рокэй убил Рин.

Такого ответа Кусина никак не ожидала. Она обомлела, беспомощно глотая воздух. В памяти всплыли недавние мимолетные встречи с серебровласым воскрешенным из иного мира: его подчеркнутая вежливость по отношению к ней, нескрываемая теплая симпатия к малышу Наруто, длинный и глубокий анализ техники Расен Сюрикена... Как такое вообще возможно?

Впрочем, теперь ей стало предельно ясно, почему Обито так торопливо отослал Рин из палаты.

Обито неловко переступил с ноги на ногу. Кусина моргнула, стряхивая оцепенение, и тихо спросила:

— Учитель Дзирая... спросил его об этом? Что Рокэй ответил?

— Он подтвердил, что всё увиденное господином Иноити — правда. Но вдаваться в подробности отказался. Сказал только, что по возвращении в Коноху обо всем доложит учителю Минато.

Кусина заметно расслабилась. Пусть Рокэй и не отрицал своей вины в гибели Рин, он не стал юлить или скрывать истину от остальных, изъявив готовность всё чистосердечно выложить

Минато. Это доказывало, что он не ищет вражды с Деревней Листа, а значит, шанс все уладить ещё оставался. Возможно, обстоятельства тогда сложились катастрофическим образом; возможно, им манипулировал враг; возможно, у него просто не было иного выбора... В том аду могло произойти всё что угодно.

В конце концов, тот мир, откуда пришел Рокэй, был куда жесточе и кровавее их собственного — это являлось неоспоримым фактом.

— Обито, а сам ты что думаешь по этому поводу? — спросила она.

— Я... я пока не хочу делать поспешных выводов, — после долгой паузы вымолвил парень. — Мне хочется верить, что Рокэй не способен хладнокровно прикончить товарища, но он обязан дать исчерпывающее объяснение. Думаю, вернемся в Коноху, он исповедуется перед учителем Минато, и тогда всё прояснится.

— Что ж, пока остаётся только ждать, — соглашаясь, кивнула Кусина. — Положись на Минато... Он непременно примет верное решение.

Кусина наотрез отказалась от сиделок, заявив, что ей нужен лишь покой, и выставила Обито за дверь, под предлогом того, что тот и сам ходячий калека.

Выйдя из палаты навстречу прохладному, пахнущему озёрной сыростью ветру, дувшему из распахнутого окна, Обито жадно вдохнул свежий воздух и медленно выдохнул.

На душе всё ещё было тяжело, но липкое чувство беспомощности исчезло. Кусина права: обелить его имя может только он сам. Если он отдаст все силы борьбе с Тоби и «Рассветом», любые сомнения растают сами собой. Какие бы суровые испытания ни ждали его впереди, он обязан встретить их с гордо поднятой головой — ведь это долг, вверенный ему Какаси... Обито поднял руку и нежно коснулся пальцами своего глаза.

Он с трудом перехватил костыль и уже собрался направиться к себе в палату, как вдруг за его спиной прозвучал строгий голос:

— Погоди.

От этого тона сердце Обито ушло в пятки. Он медленно повернулся.

Из тени коридора бесшумно выступила Рин. От её привычной мягкости и кротости не осталось и следа. Девушка подошла ближе, её взгляд выражал крайнюю степень серьезности.

— Что вы от меня скрываете? — спросила она без обиняков.

— Скрываем?.. — попытался вильнуть Обито, чувствуя, как уходит земля из-под ног. — Да ничего мы от тебя не скрываем...

— Меня не так-то просто провести! — Рин сделала шаг вперед, и в её позе проскользнуло нечто почти угрожающее. — Сначала учитель Дзира́йя, теперь ты... Поводы вроде «позаботиться о Кусине» или «пойти отдохнуть» — это ведь просто удобные предлоги, чтобы избавиться от меня, верно?

—... — Обито мог лишь виновато молчать.

— Это ведь касается нас с Рокэем? — продолжала давить Рин. — Поэтому учитель Дзира́йя упек его под печать? Это связано с моей смертью в том, другом мире?

Обито обомлел и ляпнул:

— Откуда ты зна... — и тут же осекся, поняв, что совершил роковую ошибку.

Рин печально качнула головой:

— Неужели ты думал, будто я совсем слепая? Когда он впервые увидел меня, его взгляд был совершенно не таким, как при встрече с учителем Минато или старшим Сакумо. А только что на поле боя... когда мы упали и он хотел помочь мне подняться, ты грубо оттолкнул его руку. Почему? Он сказал, что всё понял. Что именно он понял? У вас двоих вдруг возникла какая-то общая тайна обо мне, потом о ней узнал учитель Дзира́йя... И вы все дружно решили сделать вид, будто меня это не касается!

Обито окончательно потерял обладание. Рин и раньше могла вспылить, но такой яростной и одновременно раненой он не видел её никогда. Он стоял, беспомощно разводя руками, открывая и закрывая рот, пока наконец не выдавил:

— Мы... мы не хотели тебя отталкивать... Просто... всё это настолько дико, что даже нам с учителем Дзира́йей трудно в это поверить! Мы боялись... боялись, что ты...

Его лепет угас сам собой, когда Рин сделала ещё шаг. Они стояли вплотную. Девушка смотрела на него с гневом, но в её глазах блеснули слезы.

— Утиха Обито, ты вообще считаешь меня джонином? Считаешь ли ты меня товарищем, с которым вы бок о бок сражались двадцать лет? Ты ругал Какаси за то, что он бросил всё и умер, даже не спросив твоего мнения... Но сам-то ты, принимая решения, хоть раз спросил, чего хочу я? Когда бросил меня и сбежал к Орочимару — это было так. И сейчас всё повторяется снова... Или ты думаешь, мой удел — сидеть в глубоком тылу под нежной защитой,

пока вы проливаете кровь на передовой, а потом, когда всё закончится, вы с барского плеча бросите мне: «Всё уже позади»?

— Я...

Его аргументы разбились впрах. Видя, что Рин разворачивается, чтобы уйти, Обито отчаянно протянул руку и схватил её за рукав:

— Прости меня, Рин, я...

Рин шмыгнула носом, но не повернулась. Когда она заговорила снова, в её голосе не осталось и тени слез — только ледяная, нерушимая решимость:

— Не хочешь говорить — не надо. Вернемся в Коноху, и я спрошу у учителя Минато. Спрошу у самого Рокэя. Я имею больше всех прав знать, как именно погибла моя копия из другого мира. И я докопаюсь до правды, чего бы мне это ни стоило!

С этими словами она выдернула рукав из его пальцев и быстрыми шагами скрылась в глубине коридора.

Какаси казалось, что выражение лица, с которым этот человек смотрит на него, изменилось.

Раньше, когда он был ещё жив и восстанавливал силы в подземной темнице «Рассвета», Тоби приходил нечасто и заговаривал редко. Однако стоит Какаси отвернуться, как он непременно ощущал на своей спине его тяжелый, пристальный взгляд. Иностранное присутствие ощущалось физически. Иногда Какаси удавалось перехватить отблеск единственного глаза под маской — там бушевал бушующий океан эмоций. И было очевидно: хотя причиной этого шторма являлся Какаси, направлен он был вовсе не на него.

Тоби всегда смотрел сквозь него, разглядывая кого-то другого.

Теперь всё стало иначе. Его взгляд по-прежнему отличался от того, каким он одаривал Орочимару или Якуси Кабуто, но буйство чувств улеглось, обратившись в глубокое, затаенное подводное течение. Он больше не искал чужую тень. И причина этой перемены прослеживалась лишь одна:

У него просто отпала необходимость искать.

О чем именно Тоби с глазу на глаз толковал с Орочимару, Какаси, разумеется, знать не мог. Однако переговоры увенчались успехом: стороны пришли к соглашению, и когда они покидали

подземную лабораторию, контракт призыва перешел в руки Тоби. Тот не стал тратить чакру на «Камуи», чтобы мгновенно перенести их в убежище. Вместо этого они несколько часов шли пешком до самой границы Страны Рисовых Полей, где их дожидался Дейдара, восседавший на гигантской глиняной птице. Золотовласый подрывник с любопытством оглядел Какаси, создал для них ещё одно пернатое сотворение, и они взяли курс на Страну Дождя.

На рассвете следующего дня троица прибыла в Страну Дождя, опустившись на крышу одной из высоких башен в западной части города. Отправив Дейдара отдыхать, Тоби с помощью «Камуи» переправил Какаси в знакомую подземную камеру.

— Проведешь здесь ближайшие несколько дней, — скупно бросил он. — Не пройдет и пары недель, как ты воссоединишься со своими друзьями.

— Ты затеял целую комбинацию, рассчитывая обменять меня на него. Но ты не думал о том, что Коноха может просто отказаться от сделки? — внезапно спросил Какаси, видя, что Тоби собирается уходить.

Пространственный водоворот замер и схлопнулся. Тоби слегка повернул голову:

— Отказаться?

— Чтобы одолеть тебя, моё присутствие на поле боя вовсе не обязательно. А вот у второго меня есть Мангекё Шаринган. Объединившись с Обито, они смогут эффективно нейтрализовать твой главный козырь. Разменять его на меня — значит добровольно ослабить свои позиции. Это не самый разумный шаг.

Тоби молчал. Спустя мгновение он развернулся к Какаси всем корпусом.

— Взвешивать на чашах весов человеческие жизни и выгоду — вот главная причина, за которую я так люто ненавижу подобные Конохе деревни, — произнес он, и в его голосе прозвучало искреннее отвращение.

— Но я уже мертв, — спокойно возразил Какаси. — И сам на месте руководства Конохи отверг бы этот обмен.

— Даже если я заставлю твой труп сражаться против них, словно марионетку? — Тоби прищурился.

На миг на лице Какаси проскользнула тень колебания, но взгляд тут же снова стал твердым:

— Да.

— Нет, — помедлив, отрезал Тоби. — Сделка состоится... Потому что эта подделка обязательно придет ко мне сама.

Какаси слегка изогнул бровь:

— Откуда такая уверенность?

Из-под маски вырвался глухой, ядовитый смешок:

— Потому что он именно такой глупец. Стоит ему решить, что какой-то шаг правилен или принесет пользу Конохе, он сделает его не задумываясь — хоть при жизни, хоть после смерти, — ответил Тоби. — Вот только он точно такой же никчемный мусор. На словах готов взять на себя всю тяжесть мира, а на деле — конченный неудачник. Ни одного своего обещания он так и не сдержал.

— Что ж, судя по твоим словам, он и впрямь редкая дрянь, — Какаси неожиданно кивнул, словно соглашаясь с собеседником. — Не думал, что моя версия из другого мира выросла в настолько мерзкое создание.

Тоби мгновенно одарил его вспышкой глухого гнева. Но Какаси, казалось, не заметил этого и невозмутимо продолжал:

— Не знаю, что именно он натворил, раз заслужил столь низжайшую оценку с твоей стороны. Но раз в тебе кипит такая лютая обида, должно быть, он дал тебе некое обещание и подло нарушил его? Неужели это как-то связано с тем, кем ты стал теперь? Если так, то выходит, не только ты, но и он виноват в том, что оба ваших мира оказались ввергнуты в пучину бедствий...

— Заткнись!

Яростный рык Тоби эхом прошлся по каменным стенам. На секунду в комнате воцарилась мертвая тишина, а затем мужчина поднял руку и сорвал с лица маску.

Несмотря на то что Какаси уже являлся лишь воскрешенным неупокоенным духом, при виде этого лица — столь похожего на лицо его Обито и одновременно столь чужого — у него пресеклось дыхание. Он изо всех сил старался не разглядывать шрамы, сосредоточив весь свой взгляд на разномастных глазах — главном отличии этого человека от его собственного Утихи.

— Этот твой высокомерный, поучающий тон... До чего же ты похож на того юного меня, — холодно процедил Тоби, с трудом подавляя закипающий гнев. — Вы, не прошедшие через тот ад, что выпал на нашу долю, не познавшие глубины нашего отчаяния... Какое право вы имеете нас судить?

Заметив, как горячо Тоби бросился на защиту его альтернативной версии, Какаси ничуть не

удивился. Однако, когда он заговорил снова, тема разговора резко сменилась:

— Ты так отчаянно жаждешь заполучить его... Это всё потому, что его глаз представляет для тебя угрозу? Или причина в другом? Ты зовешь его подделкой... Значит ли это, что для тебя я — лишь суррогат фальшивки?

— И каким же, по-твоему, должен быть настоящий Хатаке Какаси?

Не ожидавший такого вопроса, Тоби на мгновение опешил. Восстановив самообладание, он отвернулся, избегая прямого взгляда.

— Тебя это не касается, — буркнул он, резко обрывая бессмысленный разговор. — Сиди тихо и не смей устраивать глупостей... Если не хочешь, чтобы я полностью подавил твою волю контролирующей печатью.

С этими словами, не давая Какаси ни единого шанса вставить хотя бы слово, он исчез в пространственном водовороте.

Воздушная воронка загладилась, не оставив и следа. Какаси ещё некоторое время постоял на месте, а затем устало опустился на край койки. Его плечи опали.

Попытка выведать сведения через словесные провокации никогда не была его сильной стороной — в бытность его службы в Спецназе подобными вещами обычно занимался Итачи. Горячая подначка сработала лишь частично: кроме подтверждения догадок, ничего ценного выудить не удалось. Возможно, он слишком поспешил. С въедливым умом и параноидальной подозрительностью Тоби не составит труда раскусить, что Какаси намеренно чернит его двойника, дабы отследить реакцию. В ближайшие дни вытянуть из него хоть капли информации точно не удастся.

Дело принимало совсем скверный оборот. Тоби настроен решительно, и если Рокэй действительно готов пойти на обмен, предотвратить сделку не удастся. Коноха окажется в проигрыше. Если Тоби выйдет на Орочимару и сумеет подчинить своим печатям и второго Какаси, то на поле будущего сражения противникам придется иметь дело уже с двумя обладателями «Камуи». Единственной надеждой оставались те невидимые нити прошлого, что связывали этих двоих... Если их личные счёты сумеют переломить ход событий...

Мысли Какаси постепенно вильнули в иное русло. Если он действительно вернется в Коноху, то сможет вновь увидеть Обито, отца, Рин и учителя... В прошлый раз они расстались слишком стремительно. Он не успел проститься, не успел сказать главного — никому, кроме Обито. А сам Обито...

В памяти снова всплыл образ плачущего брюнета, судорожно сжимавшего его хладеющее тело. Те мирные, беззаботные дни навсегда остались в прошлом, став поистине «другой жизнью», вернуть которую невозможно. Даже если они одолеют Тоби и вернут мир в прежнее русло, им с

Обито всё равно суждено расстаться навеки...

Воскрешенный мертвец сгорбился и спрятал лицо в ладонях.

Спустя семь дней. Коноха, кабинет Хокаге.

Минато сидел за рабочим столом, перед ним лежало длинное полотно подробного отчета. По левую руку покоился ещё один свиток, туго перетянутый тремя шелковыми лентами, с крупным иероглифом «Печать» на рубашке.

Дзирайя, доставивший эти документы, не спешил уходить. Сложив руки на груди, он стоял у окна и молча смотрел на своего ученика.

Минато наконец дочитал отчет до конца. Свернув свиток, он отложил его в сторону и после долгого раздумья спросил:

— Учитель, что вы думаете по этому поводу?

Дзирайя открыл было рот, но тут же сомкнул губы.

— Не хочу, чтобы мое мнение давило на твое решение, — он подбородком указал на запечатанный свиток. — Виновник торжества прямо перед тобой. Спроси его сам.

Минато перевел взгляд на свиток. С минуту он разглядывал его с нескрываемой гаммой сложных чувств, после чего протянул руку и осторожно развязал ленты. Развернув свиток на столешнице, он сложил быстрый ряд печатей и с силой прижал ладонь к центральному знаку:

— Снятие!

Раздался частый свист. Подобно тому как это происходило при запечатывании, из свитка выплеснулись сотни иероглифических лент. Они взвились в воздух перед столом, стремительно закружившись и формируя силуэт человека. Раздался громкий хлопок, и когда густые клубы дыма рассеялись, перед присутствующими предстал серебровласый визитер из иного мира.

Рокэй застыл на месте. Его взгляд был устремлен в пустоту, а сам он напоминал неподвижное изваяние — казалось, призванный запретной техникой дух уже успел вернуться обратно в Чистую Землю. Минато и Дзирайя обеспокоенно переглянулись: никто не ведал, что ощущает воскрешенный, находясь внутри печати, ведь подобных экспериментов прежде никто не проводил.

Минато осторожно окликнул его:

—... Какаси?

Прошла секунда, другая, третья. На пятой секунде Рокэй наконец подал признаки жизни. Он медленно моргнул, его сфокусированный взгляд опустился на золотовласого Хокаге:

— Учитель...

В этом растерянном, тихом голосе прозвучало столько боли, что сердце Минато сжалось.

Однако Рокэй уже опомнился. Едва сознание полностью вернулось к нему, парень тут же отступил на шаг, преклонил колено и низко опустил голову:

—... Прошу прощения за бестактность, Четвертый господин.

В кабинете воцарилась тяжелая тишина.

— Рокэй, мы вернулись в Коноху, — прокашлялся Дзирайя, нарушая молчание. — Там, в Стране Воды, ты обещал всё выложить Минато. Сроки пришли. Ты готов сдержать слово?

— Разумеется, — откликнулся Рокэй. — Принесите мои искренние извинения, Четвертый господин. Тот письменный отчет, что я передал вам ранее, содержал неполные сведения. По ряду причин я утаил некоторые детали и факты. Но теперь... скрывать их дальше не имеет смысла.

Словно приняв окончательное решение, он поднял голову и открыто встретил взгляд Минато:

— Призовите кого-нибудь из клана Яманака, заслуживающего вашего полного доверия. Я готов полностью открыть свои воспоминания для проверки.

<http://bllate.org/book/19560/1933756>